[19] Нелишне напомнить, что термин «сущее» (ens) как грамматически, так и концептуально связан с термином «бытие» (esse), понятие же вещи (res) соотносимо с понятием чтойности (quidditas).

[20] *Franciscus de Sylvestris Ferrariensis.* In quatuor libros Divi Thomae de Aquino Contra Gentiles commentaria (Lib. I. Cap. 34). Lugduni, 1567. P. 39.

[21] См.: *Mc Canles M.* Univocalism in Cajetan's doctrine of analogy // New Scholasticism. 1968. Vol. 42. N 1. P. 41.

[22] *Petrus Fonseca.* Commentarii in libros Metaphysicorum Aristotelis Stagiritae (In librum IV. Q. 2. Sect. 3). Lugduni, 1591. T. 1. P. 546—547.

[23] *Franciscus Suarez.* Metaphysicae disputationes (Disp. 2. Sect. 1. N. 5). Moguntiae, 1600. T. 1. P. 46.

ТОММАЗО ДЕ ВИО (КАЭТАН) О ПОНЯТИИ СУЩЕГО

[Ответ на два вопроса Франческо из Феррары о понятии сущего.]

1. Дрожайший отец, из доставившего вам беспокойство письма я узнал, что вы прочли нашу книжку «Об аналогии имен» и что два сомнения касательно понятия сущего занимают ваш ум и вы дружески просите меня разрешить их.

Я же, как только окончил изложение книг «О душе» (завершением которого я был занят, когда получил ваше письмо), постарался ответить, дабы не отказывать твоему блистательному уму.

2. Итак, первое сомнение касается меня лично, а именно потому, что в комментариях к «О сущем и сущности» я допускаю одно умственное понятие, представляющее сущее [1], а в трактате «Об аналогии имен», как кажется, отрицаю это [2].

Второе же касается святого Фомы: так как в упомянутой книжке я допускаю, что аналог не отвлечен от тех вещей, аналогом коих он называется [3]; а святой Фома в «Об истине» (в. 1, ст. 1) указывает, что имеется одно простое понятие сущего, к которому прилагаются все категории и трансценденталии, до которого они разлагаются и которое известно прежде всего [4]. Ведь эти положения кажутся противоречащими друг другу, так как если сущее не может быть отвлечено от природ вещей, его понятие не будет ни простейшим, ни известным прежде всего, ни тем, до которого в конце концов доходит разложение и к которому прилагаются все категории.

3. Для прояснения этих вопросов и, в частности, первого вспомни, что все, что является образом чего-либо подобного другому, есть еще и образ этого другого в той мере, в какой оно уподобляется первому. И вследствие этого всякое понятие твари есть понятие Бога так же, как всякая тварь есть некое подобие Бога. Итак, отсюда вытекает, что коль скоро одно в пропорциональности (proportionabilitate) как таковое обладает отдельными пропорционально (proportionabiliter) подобными членами, то нужно, чтобы имелось также и одно умственное понятие, представляющее это пропорциональное одно.

4. Я не утверждаю противоположного этому в трактате «Об аналогии имен»; тем не менее это понятие, будучи одним по числу

в уме соответственно бытию в качестве субъекта, одно по аналогии соответственно бытию в качестве представления. И оно представляет не только одну природу, но сверх той одной, которую оно представляет определенно (и которой оно напечатлено), оно неявно представляет прочие природы, подобные этой представленной прежде всего, соответственно тому, в чем оно является пропорционально подобным им. Ибо суждение о сходстве вещей между собой то же, что и о сходстве умственного понятия и вещей. Ведь как природа кости подобна природе хребта в поддерживании тел животных (в чем они и аналогичны), так умственное понятие кости как поддерживающей тела подобно кости и хребту, но кости — определенно, хребту же — неявно; как и сама кость подобна хребту не определенно, а лишь в той мере, в какой хребет, как и сама кость, поддерживает тела.

Таков первый способ, каким у аналога имеется одно умственное понятие, и потому сущее, коль скоро оно выступает аналогом, имеет таким образом в уме одно понятие, напечатленное вещами.

5. Другой же способ основывается на действии самого разума, посредством которого разум призван разделять соединенное. И тогда в уме есть одно по числу подобное понятие, хотя определенно представляющее аналог, но явно не представляющее ничего из того, что служит основанием аналогии. Бывает же это, когда мыслящий отделяет умственное понятие, о котором мы говорили немногим ранее, от той определенной природы, каковую оно представляло, и вместо этой природы разумеет какое-либо местоимение, неопределенно указывающее на природы, служащие основаниями аналогии. Например, если понятие кости есть: «кость, поддерживающая тела», то мыслящий вместо «кости» подставит «то, что» и скажет: «то, что поддерживает тела», ибо тогда аналог, несомненно, представляется явно, а природы, служащие основаниями аналогии, представляются лишь неявно.

6. Между же этими двумя понятиями есть не только названная разница в происхождении, но и та, что первое понятие относится у аналога к чему-то в вещи (quid rei), а второе — к чему-то в имени (quid nominis)[5]; однако ни то, ни другое не представляют в совершенстве аналог. Что касается этого, а именно явно совершенного или адекватного понятия аналога, то следует, когда отыскивается написанное о нем мною либо кем другим, разъяснять, что аналог не может обладать одним по числу умственным понятием, а обладает лишь одним по аналогии.

7. И поскольку умственные понятия (если они не вымышлены) суть образы представляемых вещей, то как в уме адекватное понятие аналога не одно, а требует представления всех вещей, служащих основаниями аналогии, так адекватное и совершенное значение аналога не может быть отвлечено настолько, чтобы представать, представляться или пониматься без вещей, служащих его основаниями. И как в уме находится двоякое несовершенное понятие, так и обозначаемая вещь извне может несовершенным образом представать двояко, а именно: или явно в одном, в чем

прочее предстает неопределенно, или ни в чем явно, но во всем неявно, явно же в одном лишь формальнейшем значении.

8. И вышесказанное не противоречит учению св. Фомы. Ибо сущее в порядке возникновения знания известно прежде всего по своему несовершенному понятию, в порядке же отчетливого познания — по своему совершенному понятию.

И то, что понятие сущего является простейшим, созвучно сказанному: ибо поскольку простота противоположна составлению и одно по аналогии не есть одно благодаря какому-то составлению, то сущее, в силу того, что оно — аналог, не заключает в себе привнесенного составления. И дабы для упражнения показать разложение, если ты хочешь разложить субстанцию до сущего: разложение, если требуется разложение до отчетливого понятия сущего, будет доходить до самой природы субстанции в той мере, в какой она служит основанием бытия, которое есть нечто простейшее и к которому прилагается сама субстанция и прилагаются трансценденталии. Если же требуется разложение до неясного понятия, то ты будешь проводить разложение до того, что есть, оно также является простейшим и к нему также прилагается все вышеупомянутое.

9. Однако многим здесь представляется случай ошибиться, ибо в отчетливом разложении они стараются разлагать до одного по аналогии так же, как принято разлагать до одного по омонимии. Так что в аналогии они отыскивают такой же один по числу термин, как в омонимичном: тогда как в аналогии термин все-таки является одним только пропорционально. Так что и разложимые единичности разлагаются до простых — объективных и умственных — понятий [6], и все разложимо до простого — объективного и умственного — понятия, одного пропорционально. Так вот (дабы сказать все одним словом) то, что сущее является известным прежде всего и тем, до чего доходит всякое разложение и к чему все прилагается, должно быть истолковано способом аналога, благодаря которому можно установить, что сущее по своему совершенному и адекватному понятию не отвлекается от категориальных природ, как и какой-либо аналог не отвлекается от природ, служащих основаниями аналогии.

10. Вся проясняющая сила этого заключается в том, чтобы всегда имелось в виду говорить об этом сообразно правилу аналогов.

Ныне мне не приходит на ум бóльшего, что следовало бы еще сказать по предложенному вопросу, а впрочем, я был многословнее, чем надобно твоему проницательнейшему уму, благодаря которому ты по одному слову уже понял все.

Будь здоров и соблаговоли помолиться за меня.

Рим, 27 февраля 1509 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Thomas de Vio, Caietanus.* In De ente et essentia d. Thomae Aquinatis commentaria (Cap. 2. Q. 3) / Cura et studio M.-H. Laurent. Taurini, 1934. P. 38.

[2] См.: *Thomas de Vio, Cardinalis Caietanus.* De nominum analogia (N. 36) / Ed. cur. P. N. Zammit. Romae, 1934. P. 34—35.

[3] См.: Ibid. (N. 47). P. 42. Аналоги (analoga) наряду с омонимами, синонимами и паронимами причислялись томистами к так называемым «предкатегориям» (antepraedicamenta). По мнению томистов, аналоги занимают промежуточное положение между омонимами и синонимами, поскольку в отличие от омонимов, обозначающих разные вещи, и от синонимов, обозначающих одно и то же, они служат для обозначения тех вещей, которые не являются ни совершенно различными, ни совершенно тождественными (см., например: *Petrus Fonseca.* Institutiones dialecticarum (Lib. I. Cap. 22). Coloniae, 1572. P. 34).

[4] *Thomas Aquinas.* De Veritate. Q. 1. A. 1 resp.: «Сущее есть то, что разум постигает прежде всего как самое известное и до чего он разлагает все понятия».

[5] Различение в понятии сущего двух аспектов: «quid rei» и «quid nominis» впоследствии было использовано Франческо из Феррары в его комментарии к «Сумме против язычников» Аквината (*Franciscus de Sylvestris Ferrariensis.* In quatuor libros Divi Thomae de Aquino Contra Gentiles commentaria (Lib. I. Cap. 34). Lugduni, 1567. P. 39—40). Примечательно, что Франсиско Суарес приписывал эту дистинкцию «ферраpцу» (*Franciscus Suarez.* Metaphysicae disputationes (Disp. 2. Sect. 1. N. 3). Moguntiae, 1600. T. 1. P. 46).

[6] В комментарии к трактату Фомы Аквинского «О сущем и сущности» Каэтан проводил следующее различие между формальным, или умственным, и объективным понятиями. «Формальное понятие есть некий объективно представляющий разумеемую вещь образ, который возможный разум создает в самом себе и который философами называется интенцией или понятием, а теологами — словом. Объективное же понятие есть вещь, представляемая в нем посредством формального понятия и являющаяся пределом акта разумения. Например, формальное понятие льва есть тот образ, который возможный разум создает касательно львиной чтойности, когда он хочет разуметь ее, а объективное понятие того же есть сама представляемая и разумеемая львиная природа» (*Thomas de Vio, Caietanus.* In De ente et essentia d. Thomae Aquinatis commentaria (Cap. 1. Q. 2. P. 25). Сходные дефиниции давались Педру да Фонсека: «Формальное понятие есть не что иное, как актуальное подобие разумеемой вещи, созданное разумом для ее воспроизведения. (. . .) Объективное понятие есть разумеемая вещь сообразно той форме, или природе, которая постигается посредством формального понятия» (*Petrus Fonseca.* Commentarii in libros Metaphysicorum Aristotelis Stagiritae (In librum IV. Q. 2. Sect. 1). Lugduni, 1591. T. 1. P. 543—544). Франсиско Суарес, называвший различение формального и объективного понятий «общепринятым», определял эти понятия так: «Формальным понятием называется сам акт, или (что то же самое) слово, посредством которого разум постигает какую-либо вещь или общее основание. . . Объективным понятием называется сама вещь или основание, которые собственно и непосредственно познаются или представляются благодаря формальному понятию (*Franciscus Suarez.* Op. cit. (Disp. 2. Sect. 1. N. 1. T. 1. P. 45).

«ТАЙНА ТВОРЕНИЯ» Г. В. ЛЕЙБНИЦА

В. М. Яковлев

Предлагаемое письмо интересно в нескольких отношениях. Оно позволяет лучше почувствовать, насколько Лейбниц-философ и Лейбниц-математик органично связаны. Затем, оно касается серьезного открытия в науке Нового времени, пусть даже то, что открыл Лейбниц, было уже когда-то так или иначе записано.